

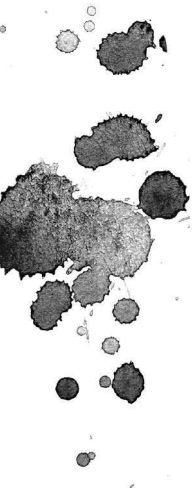
•
Я ВЕЩАЮ

из

ГРОБНИЦЫ •

Посвящается Ширли

Now from yon black and fun'ral yew,
That bathes the charnel —
house with dew,
Methinks I hear a voice begin;
(Ye ravens, cease your croaking din;
Ye tolling clocks, no time resound
O'er the long lake and midnight ground)
It sends a peal of hollow groans,
Thus speaking from among the bones.

Thomas Parnell

*Night Piece on Death (1717)**

* (англ. дословный перевод)
Теперь от того черного похоронного тиса,
Что омывает склеп росой,
Мне показалось, донесся голос:
«Вы, вороны, прекратите громко каркать,
Вы, звонящие колокола, не время раздаваться
Над длинным озером и полуночной землей». Он посылает отзвуки глухих стонов
И так вещает из гробницы.
Томас Парнелл, «Ночные стихи о смерти», 1717 г.
(Здесь и далее — примечания переводчика)

1

глава

•

Кровь хлынула из отрубленной головы и веером красных капель брызнула по сторонам, собираясь красной лужицей на черно-белых плитках. Лицо застыло в гримасе, как будто мужчина погиб крича. Его зубы, разделенные четкими промежутками, обнажились в жутком безмолвном вопле.

Я не могла оторвать от него глаз.

Женщина, с гордостью державшая голову с разинутым ртом за кудрявые иссиня-черные волосы в вытянутой руке, была одета в красное платье — практически такого же цвета, как кровь мертвеца.

Склонившись в безмолвном поклоне чуть поодаль, слуга держал блюдо, на котором она принесла голову в помещение. Сидящая на деревянном троне матрона в шафрановом облачении подалась вперед, выдвинув челюсть от удовольствия, и рассматривала ужасный трофей, сжав ладони в кулаки на подлокотниках кресла. Ее звали Иродиада, и она была женою царя.

Женщина помоложе, что держала голову, звалась — согласно историку Иосифу Флавию — Саломеей. Она приходилась падчерицей царю Ироду, а Иродиада была ее матерью.

АЛАН БРЭДЛИ

Отрубленная голова, ясное дело, принадлежала Иоанну Крестителю.

Я припомнила, что слышала эту отвратительную историю не далее чем месяц назад, когда отец читал вслух отрывок из Священного Писания, стоя за огромным резным деревянным орлом, служившим кафедрой в Святом Танкреде.

Тем зимним утром я, такая же замороженная, как и сейчас, глазела вверх на витраж, на котором была изображена эта захватывающая сцена.

Позже, во время проповеди, викарий объяснил, что во времена Ветхого Завета считалось, что наша кровь содержит в себе нашу жизнь.

Конечно же!

Кровь!

Почему я раньше об этом не подумала?

— Фели, — сказала я, потянув ее за рукав, — мне надо домой.

Моя сестрица меня проигнорировала. Она внимательно изучала ноты, а ее руки в сумеречных тенях угасающего дня, словно белые птицы, летали по клавишам органа.

“Wie gross ist der Allmächt’gen Güte” Мендельсона.

— «Велик Господь всемогущий», — пояснила она мне.

Пасха наступит уже через неделю, и Фели дрессирует себя для своего официального дебюта в качестве органиста в Святом Танкреде. Ветреный мистер Колликут, занимавший это место всего лишь с лета, внезапно улетел из нашей деревни без объяснений, и Фели попросили выступить вместо него.

Святой Танкред поглощает органистов, словно питон белых мышей. Когда-то был мистер Тэггарт, потом мистер Деннинг. Теперь пришел черед мистера Колликута.

— Фели, — сказала я. — Это важно. Мне надо кое-что сделать.

Фели дернула за один из вытяжных рычагов большим пальцем, и орган заревел. Я люблю эту часть пьесы: то место, где она вмиг перескакивает от звуков спокойного моря на закате к рычанию зверя в диких джунглях. Когда дело касается органной музыки, громко — значит хорошо, по крайней мере, с моей точки зрения.

Я подтянула колени к подбородку и забилась в угол сиденья в алтаре. Было очевидно, что Фели собирается пахать до упора и гори все синим пламенем, так что мне придется просто ждать.

Я осмотрелась, но изучать было особо нечего. В слабом свечении единственной лампочки над пропитром мы с Фели казались потерпевшими кораблекрушение на крошечном плоту из света в море тьмы.

Если повернуть и наклонить голову, в конце консольной балки под крышей нефа я могу увидеть голову Святого Танкреда, вырезанную из английского дуба. В странном вечернем свете казалось, будто он прижался носом к окну и вглядывается из холода в уютную комнату, где в очаге весело горит огонь.

Я одарила его почтительным наклоном головы, хотя знаю, что он меня не видит, поскольку его кости гниют в подземном склепе. Но береженого бог бережет.

Вверху над моей головой в дальнем конце алтаря Иоанн Креститель и его убийца были уже почти незаметны. В эти облачные мартовские дни сумерки сгущаются быстро, и, если смотреть изнутри церкви, окна Святого Танкреда могут превратиться из разноцветного гобелена в мутную черноту быстрее, чем продекламируешь какой-нибудь длинный псалом.

АЛАН БРЭДЛИ

По правде говоря, я бы предпочла сейчас быть дома в моей химической лаборатории, чем сидеть тут в полумраке продуваемой сквозняками старой церкви, но отец настоял.

Хотя Фели старше меня на шесть лет, отец запрещает ей ходить в церковь на вечерние репетиции и спевки хора одной.

— Сейчас в наши края понаедут чужаки, — сказал он, имея в виду группу археологов, которые вскоре приедут в Бишоп-Лейси на раскопки костей нашего святого-покровителя.

Как, предполагается, я буду защищать Фели от нападения диких ученых, отец не потрудился объяснить, но я знала, что дело не только в этом.

В недавнем прошлом в Бишоп-Лейси произошел целый ряд убийств: захватывающих убийств, и я изрядно помогла инспектору Хьюитту из полицейского участка Хинли в расследованиях.

Я мысленно загибала пальцы, пересчитывая жертвы: Гораций Бонепенни, Руперт Порсон, Бруки Хейрвуд, Филлис Уиверн...

Еще один труп, и можно будет загнуть все пальцы одной руки.

Каждый из них нашел свой печальный конец в нашей деревне, и я знала, что отец чувствует себя не в своей тарелке.

— Это неправильно, Офелия, — сказал он, — девушке, которая.. чтобы девушка твоего возраста в одиночестве брэнчала в старой церкви поздно вечером.

— Там никого нет, кроме мертвецов, — засмеялась Фели, может быть, немного слишком весело. — И они меня не тревожат. Вовсе не так, как живые.

За спиной отца моя вторая сестрица, Даффи, лизнула запястье и пригладила волосы по бокам воображаемого пробора на голове, словно умывающаяся кошка. Она изо-

бражала Неда Кроппера, помощника трактирщика в «Тринадцати селезнях», который страшно запал на Фели и временами преследовал ее, словно дурной запах.

Фели почесала ухо, давая понять, что поняла шуточку Даффи. Это был один из тех безмолвных сигналов, которыми обменивались мои сестрицы, словно сигналами флажков с корабля на корабль, непонятными тем, кто не знал шифр. Но даже если бы отец заметил этот жест, он бы не понял его значение. Система шифров нашего отца была совсем другим языком по сравнению с нашим.

— Тем не менее, — произнес отец, — если ты выходишь затемно, ты должна брать с собой Флавию. Ей не помешает выучить несколько псалмов.

Выучить несколько псалмов, да уж! Всего лишь пару месяцев назад, когда я была прикована к постели во время рождественских каникул, миссис Мюллет, хихикая и умоляя меня хранить секрет, шепотом научила меня парочке новеньких. И я все без усталы мычала:

Hark the herald angels sing,
Beecham's Pills are just the thing.
Peace on earth and mercy mild,
Two for a man and one for a child.*

Или вот еще:

We Three Kings of Leicester Square,
Selling ladies' underwear,

* Слушай, ангелы-вестники поют:
«Пилюли Бичема» — то, что надо,
Мир на земле и сострадание,
Две для взрослого и одна для ребенка.

АЛАН БРЭДЛИ

So fantastic, so elastic,
Only tuppence a pair.*

Пока Фели не швырнула экземпляр «Псалмов старинных и современных» мне в голову. Что я точно знаю об органистах, так это то, что они совершенно лишены чувства юмора.

— Фели, — сказала я, — я замерзла.

Я задрожала и застегнула свой кардиган. Вечером в церкви было ужасно холодно. Хор ушел час назад, и без их теплых тел, сгрудившихся вокруг меня, словно поющие сельди в бочке, казалось еще холоднее.

Но Фели погрузилась в Мендельсона. С тем же успехом я могла бы обращаться к луне.

Внезапно орган издал задыхающийся звук, как будто поперхнулся чем-то, и мелодия булькнула и оборвалась.

— О ужас, — сказала Фели. Это было самое ужасное ругательство, на которое она способна, по крайней мере в церкви. Моя сестрица — благочестивая притворщица.

Она встала на педали и начала враскачку выбираться из-за органной скамьи, заставляя басы резко мычать.

— Ну и что теперь? — сказала она, закатывая глаза, как будто рассчитывая услышать ответ с небес. — Эта штука-вина плохо себя ведет уже не первую неделю. Должно быть, влажность.

— Я думаю, он сломался, — заявила я. — Вероятно, ты его испортила.

— Дай мне фонарик, — сказала она после длинной паузы. — Мы пойдем и посмотрим.

* Мы, три короля с площади Лестер,
Продаем дамское белье,
Такое прекрасное, такое эластичное,
Всего лишь два пенса за пару.

Мы?

Когда Фели становилось страшно до потери пульса, «я» быстренько превращалось в «мы». Поскольку орган Святого Танкреда включен Королевским колледжем органистов в список исторических инструментов, любой ущерб этой ветхой штуkenции, вероятно, будет расцениваться как акт национального вандализма.

Я знала, что Фели в ужасе от мысли, что придется сообщить викарию плохую новость.

— Веди, о виновная, — сказала я. — Как нам попасть внутрь?

— Сюда, — ответила Фели, быстро отодвинув скрытую консоль в деревянной резной панели около пульта управления органом. Я даже не успела заметить, как она это проделала.

Подсвечивая фонариком, она нырнула в узкий проход и скрылась в темноте. Я сделала глубокий вдох и последовала за ней.

Мы оказались в пахнувшей плесенью пещере Аладдина, со всех сторон окруженные сталагмитами. В радиусе света от фонарика над нами возвышались органнне трубы: из дерева, из металла, всех размеров. Некоторые были толщиной с карандаш, некоторые — с водосточный желоб, а еще какие-то — с телефонную будку. Не столько пещера, пришла я к выводу, сколько лес гигантских флейт.

— Что это? — спросила я, указывая на ряд высоких конических труб, напомнивших мне духовые трубки пигмеев.

— Регистр гемсхорн, — ответила Фели. — Они для того, чтобы звучать, как древняя флейта из бараньего рога.

— А это?

— Рорфлёте.

— Потому что он рычит?